

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 6055.

Пятница, 15-го августа 1903 г.

№ 6055.

СЛЕЗЫ. *)

Онъ вошелъ къ ней, и вся комната озарилась тихимъ и ласковымъ свѣтомъ, а глаза ея заглялись слезами, чистыми слезами радости.

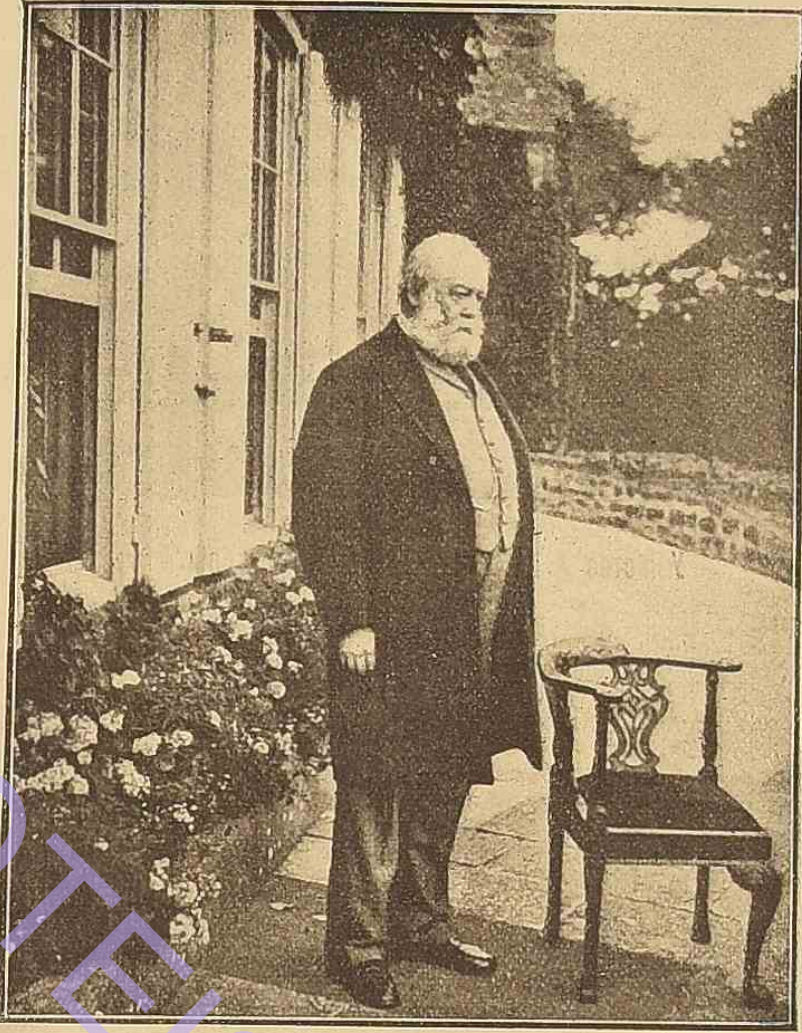
М. С. Шепкинъ,
знаменитый актеръ.—По поводу 40-лѣтія со дня кончины. (См. „Од. Нов.“ № 6051).

— Ты пришелъ,—шептала она ему,— о, какъ ждала, какъ трепетно ждала я тебя...

Онъ молчалъ. По угламъ его крѣпко сжатыхъ губъ пряталась холодная жестокость и упорная воля.

Лицо ея зардѣлось густымъ румянцемъ стыда и негодованья.

Майскій веселый лучъ погасъ. Въ комнатѣ сѣро и неприятно. Вдругъ зашумѣлъ мелкій дождь, унылый и скучный. Цвѣты

Маркизь Салисбери.
† 10-го августа 1903 г.

блестящій, лежитъ ровной пеленъ, и на его невинной груди горятъ искры такого же невиннаго и такого же холоднаго солнца.

Задумѣли верхушки елей и уронили

и плачуть, и хохочуть и бросаетъ тончайшей холодною пылью. А раненый звѣрь бьется и трепещетъ, и окровавленная грудь его тонетъ все глубже и глубже...

За нимъ, на ровной, пробитой амь до-

прошедшимъ и страшнымъ будущимъ.
Онъ—раненый олень, раненый жизнью, раненый колючими иглами падающей съ верной хвои, тѣлющей у его ногъ и своимъ тѣнѣмъ заражающей его. И когда его изъясненная грудь задымилась кровью, и сердце сжала невѣдомая боль,—острая боль угасшаго прошлаго, онъ пришелъ къ ней—скорбной и любящей, тихой и печальной.

Маркизь Салисбери
25 лѣтъ тому назадъ.

A. N. Apukhin
Via San Giovanni di Jesu
Mestre ne Venezia Venezia
& Venezia

A. N. Apukhin 3 Aug 1903
Via San Giovanni

Радно узналъ, что вы будете в Венеции, и я решил поехать туда, чтобы увидеть вас. Я буду в Венеции с 3 по 5 августа. Если вы будете в Венеции, пожалуйста, напишите мне, чтобы я мог вас увидеть. С любовью, А. Н. Апухтин.

Автографъ папы Пія Х.

Пій Х, впервые въ санѣ папы позирующій для фотографій.

на окнахъ наклоняли свои махровыя головки, а старинныя бронзовыя часы стали стучать такъ громко, такъ оскорбительно громко...

Онъ ушелъ блѣдный, усталый и одинокій.

А въ тишинѣ долго еще раздавался жалобный плачь женщины.

Мохнатая ели глубоко вросла въ мерзлую землю. Рыхлый снѣгъ, нетронутый и

*) Изъ „Куръ“

на землю пушистые хлопья инея. Бѣлая куропатка взмахнула крыломъ и быстро-быстро поперелась прочь. Горящимъ рубиномъ сверкнули глаза горноста и исчезли.

Звѣрь, испуганный, съ налитыми кровью глазами грудью пробиваетъ себѣ дорогу въ снѣгу, и тонетъ, и бьетъ конькомъ, и его длинныя вѣтвистыя рога едва не касаются его сильной и упругой спины. Чистыя искры снѣга взлетаютъ и падаютъ, дрожатъ ели, дрожатъ иней на ихъ зеленыхъ верхушкахъ, вѣтеръ свиститъ,

Поэтъ А. Н. Апухтинъ.
По поводу 10-лѣтія со дня кончины.

рогъ, блестятъ большіе и спокойные глаза самки: она идетъ тихо и свободно—вѣдь, ради нея уже довольно пролито крови, и уже довольно истрачено гордой и неустрашимой силы.

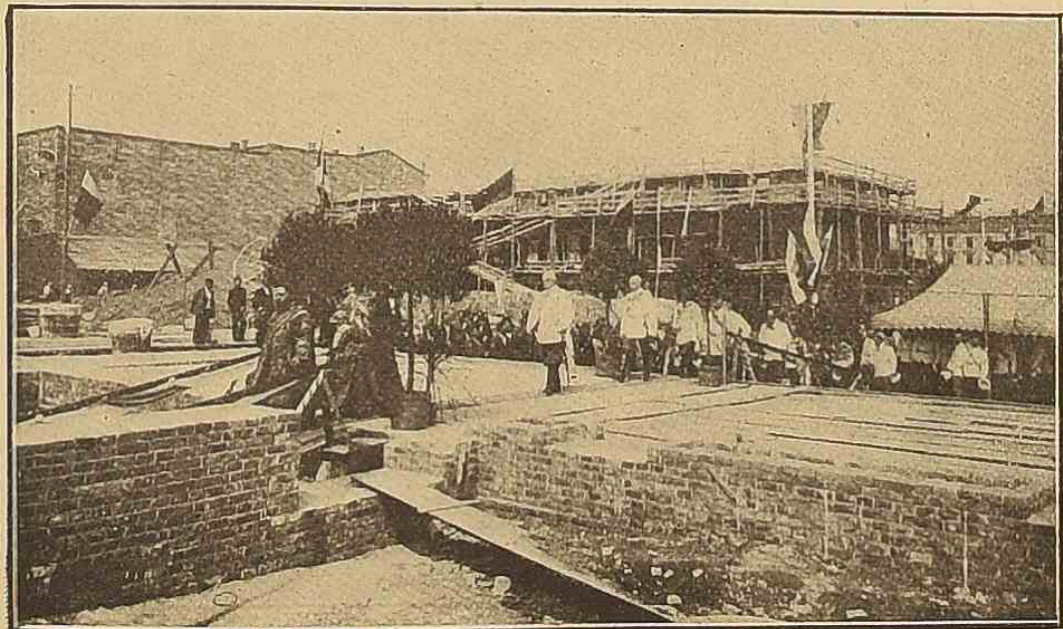
Ели дрожатъ и нагибаются къ вѣчно зеленомъ пихтамъ и равнодушно шепчуть амь о погибающихъ и о погибшихъ...

Онъ снялъ шляпу и низко-пренизко поклонился ей. Въ усталыхъ глазахъ его таился испугъ теперь передъ скучнымъ

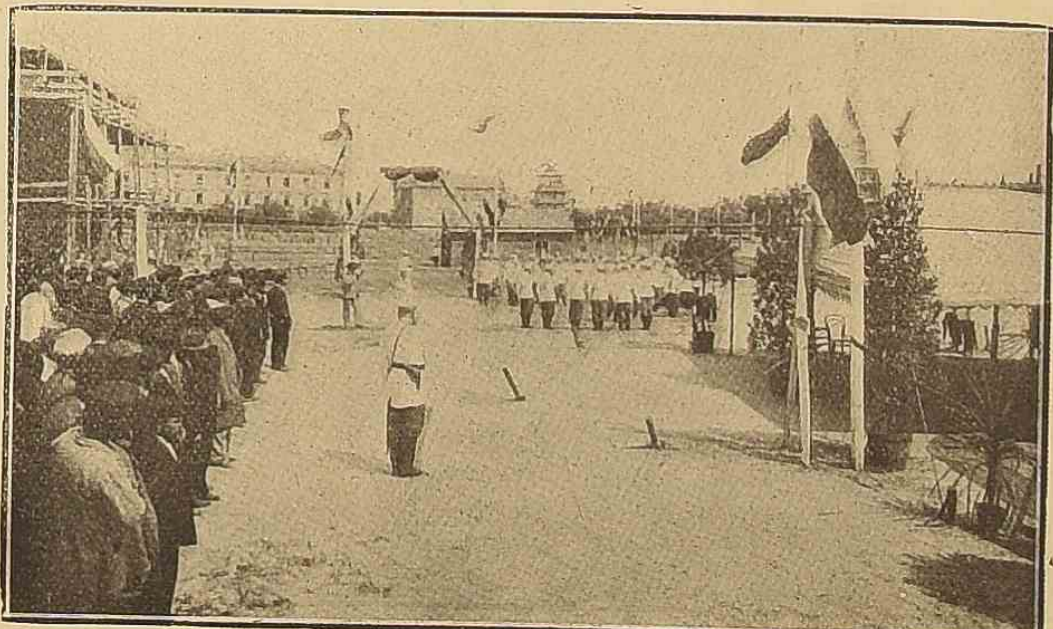
Онъ тонуть, и луна, мутно желтая и круглая, безстрастно сѣла сквозь черную рѣшетку длинныхъ, протянутыхъ къ небу тонкихъ вѣтвей. Онъ качались, валявая старую, скучную пѣсню о погибающихъ и погибшихъ людяхъ.

Онъ тонуть, и когда силы оставили его, онъ пришелъ и поклонился ей, твердо вѣруя въ вѣчную животворящую любовь женщины.

И снова загорѣлся майскій веселый лучъ и заиграли, запыли старыя дѣдовскіе часы пѣжнымъ звономъ угасшему

Одесса.—На торжествѣ закладки новаго зданія окружнаго штаба.

Со снимковъ Д. Г. Нестерова.

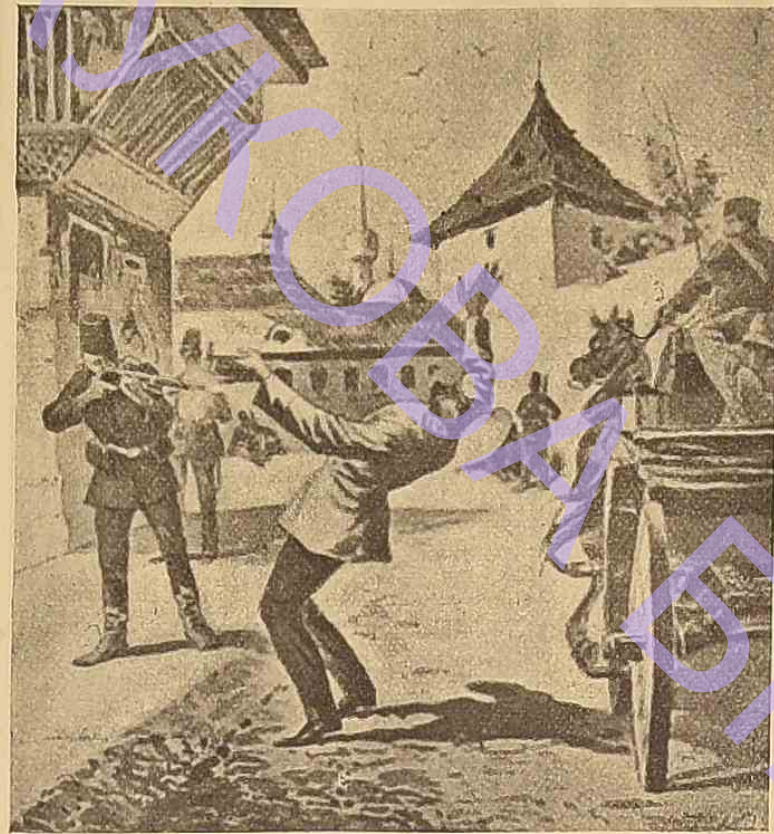
прошлому. А на лицѣ ея горѣли огни, на шековностяхъ рѣсницахъ дрожали чистыя слезы радости, и полуоткрытыя губы шептали...

О, какъ я ждала, мнѣ мой, какъ ждала тебя...
Въ этотъ день любовь праздновала свое торжество, и всепрощеніе торжествовало свою побѣду... Но почему же, поздно ночью, когда холодный мракъ безумно окуталъ рожающіе твои усты, въ одинокой комнатѣ тихо раздавалось хриплое рыданье, — рыданье побѣдшаго и побѣжденного мужчины?...

Онъ не могъ уйти. Двѣлалъ страшныя усилія, — и не могъ. Ноги точно вросли въ землю, и дрожавшія руки бесцѣпно висѣли, какъ плети, а гдѣ-то въ далекой глубинѣ усталыхъ глазъ еще свѣтилась и трепетала робкая любовь.

Краска стыда и гнѣва заливала ей щeki. Грудь вздымалась и падала. Угасившій огонь пощудя жечь и оскорбляя, унижалъ и манилъ, авалъ и отталкивалъ.

Стуча колесами продремывала занавѣска. Въ открытое окно норвались голоса, нестройные, шумные, такіе странные и повужные... Тихія твои плутино раздвѣлись и застыли въ темномъ отдаленіи угловъ. Свѣрнато-желтое пламя свѣчей задрожало, заколебалось и опустилось внизъ. А со стѣнъ строго и пристально смотрѣли лица умершихъ, когда-то, давно-давно, любившихъ и теперь уже умершихъ...
Онъ ушелъ, унося съ собой живучую

Уиство А. А. Ростковскаго въ Битоліи.

боль стыда, поруганной гордости и, едва родившейся и уже умирающей, любви.
А улица смѣялась и тиснула къ нему своими крикливоими и продажными обитями.

Старинные рѣзные стулья тихо дремлютъ; они, — свидѣтели уже погребеннаго, давно забытаго, и все еще живаго прошлаго. Высокія полки съ длинными узкими корешками книгъ томятъ своей однообразной и скудной нестрогой. Темныя окна пугаютъ своими пустыми стеклянными впадинами. Сердце бьется такъ скоро, скоро, и такъ перно...

Онъ сидѣлъ, положивъ тяжелую голову на руки.
Тупо смотрѣлъ впередъ и въ чело не видѣлъ — все кружилось въ какомъ-то туманѣ, густомъ и холодномъ.

Книжечка дождя, меленный и унылый, и каждая книга тулко ударялась о металлъ подковника, рѣзала въ его сердце тупую и неотвязную боль.
Казалось, кто-то невидимый, равнодуш-

ный и жестокий, стоитъ вотъ тутъ, тутъ рядомъ, тутъ, за его плечами, и смотритъ на него, и его крупныя омерзѣлыя глаза злобно смѣются...

Вскрикнулъ, и зарыдалъ, и завывъ вѣтеръ изъ трубъ, кипи дожди замузгали частыми и мелкими ручьями.

Онъ прислушивался къ рожающимся песнямъ звукамъ, къ шорохамъ ноци, къ шопоту млы и мрака, и въ сердцѣ его вставала она, снова она, всегда она, и огонь стыда сжигалъ его щeki, а сердце звало ее, и содрогалось, и плакало.

А назойливый дождь все шумѣлъ, тускло мигала лампа, и за плечами стоялъ тотъ же, невдомой, страшный и невозможный.

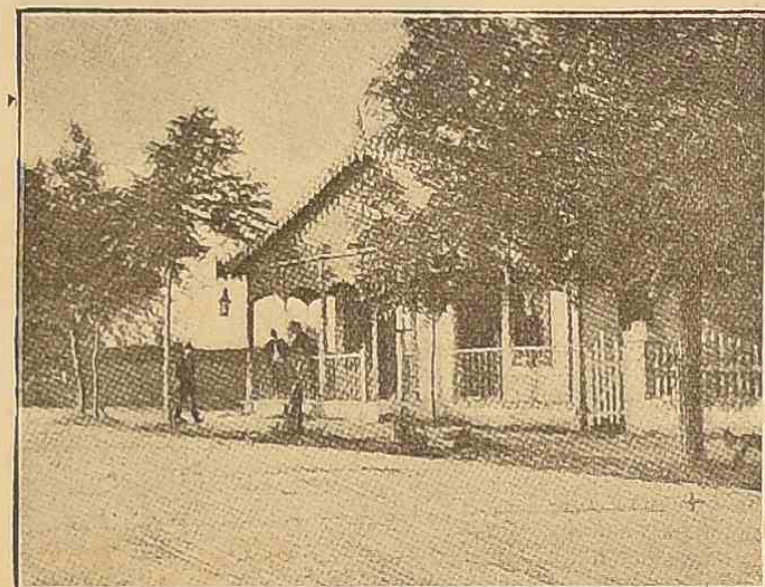
Ихъ губы слились въ долгій, мучительно долгій поцѣлуй.

Воздухъ дышалъ тяжелымъ и сладкимъ ароматомъ. Лунный свѣтъ синѣлъ, лазурными стальными полосами безъ блеска. Ночь, тьма и угасаю. Горячая струя билась имъ въ лицо, и руки ихъ дрожали.

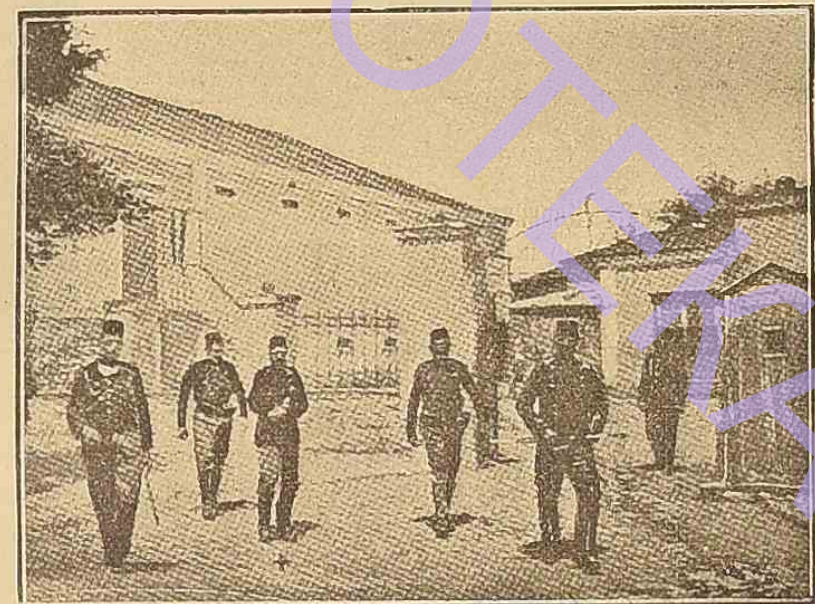
Въ ея широко раскрытыхъ глазахъ всныхивали и гасли и снова всныхивали искривляя блески любви и желани.

Портреты на стѣнахъ, старые, пыльные, давно знакомые, улыбались тихой и ласковой улыбкой, улыбкой умершей и вновь родившейся любви. А въ сердцѣ смѣялись и плакали змеившія когда-то и замолкшія было струны.

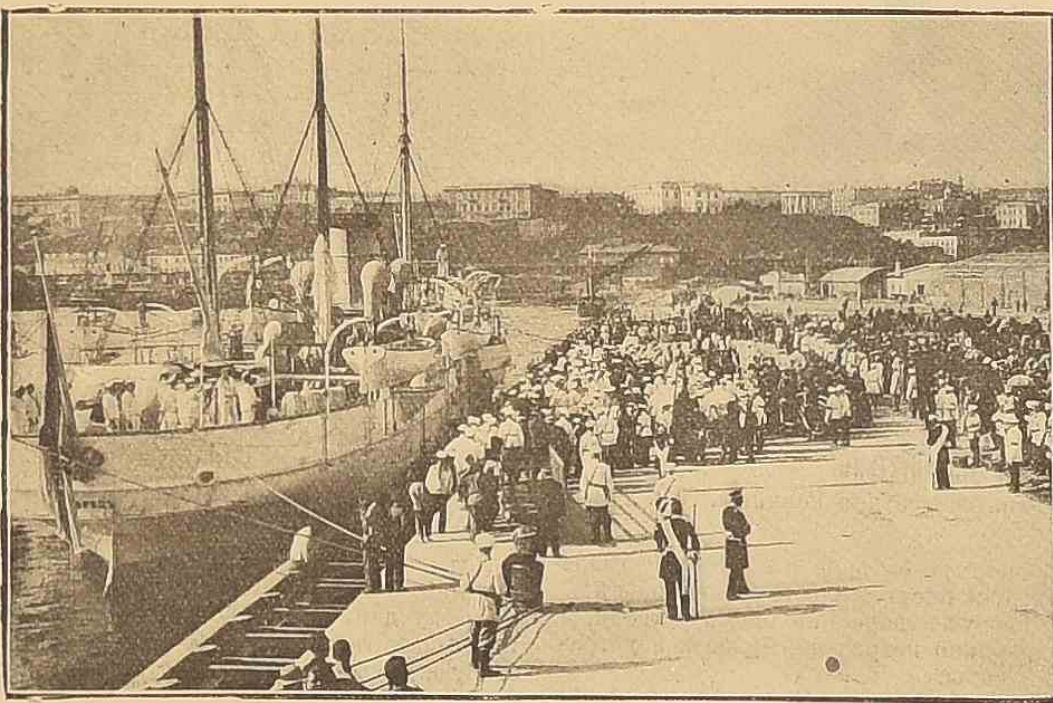
— Мой, мой, навѣки мой, — шептали его сухія губы, а гдѣ-то, тамъ, внизу, глубо-

Караульня въ Битоліи, у которой былъ убитъ А. А. Ростковскій. Крестъ указываетъ мѣсто, гдѣ убиство произошло.

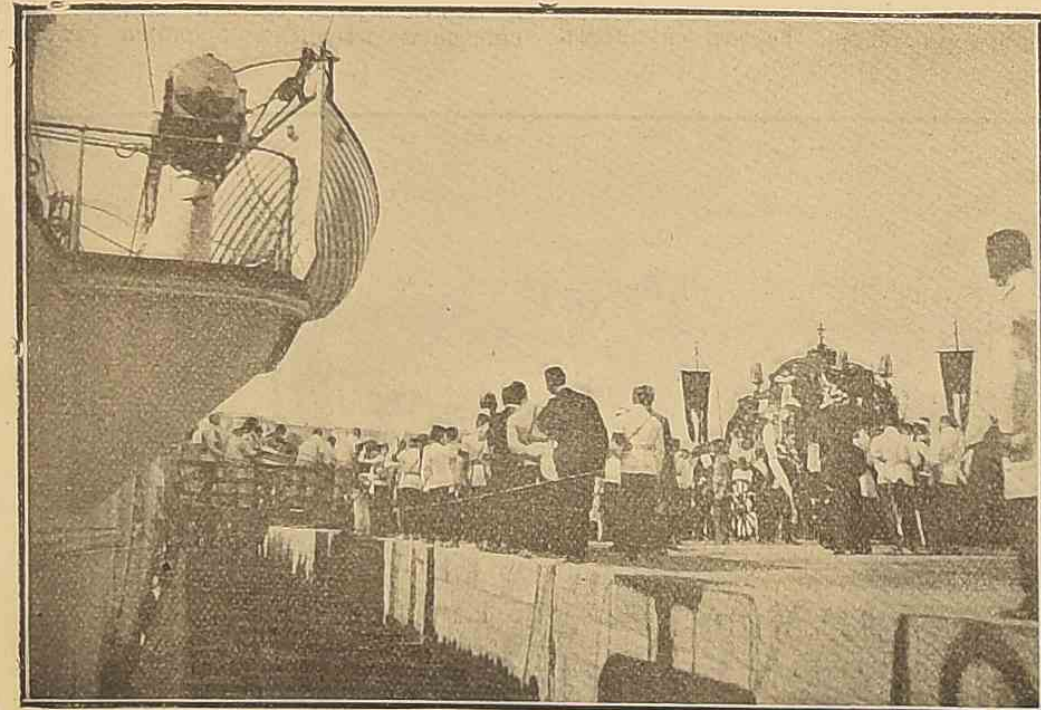
Убицу А. А. Ростковскаго, скрнаннаго по рукамъ, ведутъ на допросъ.

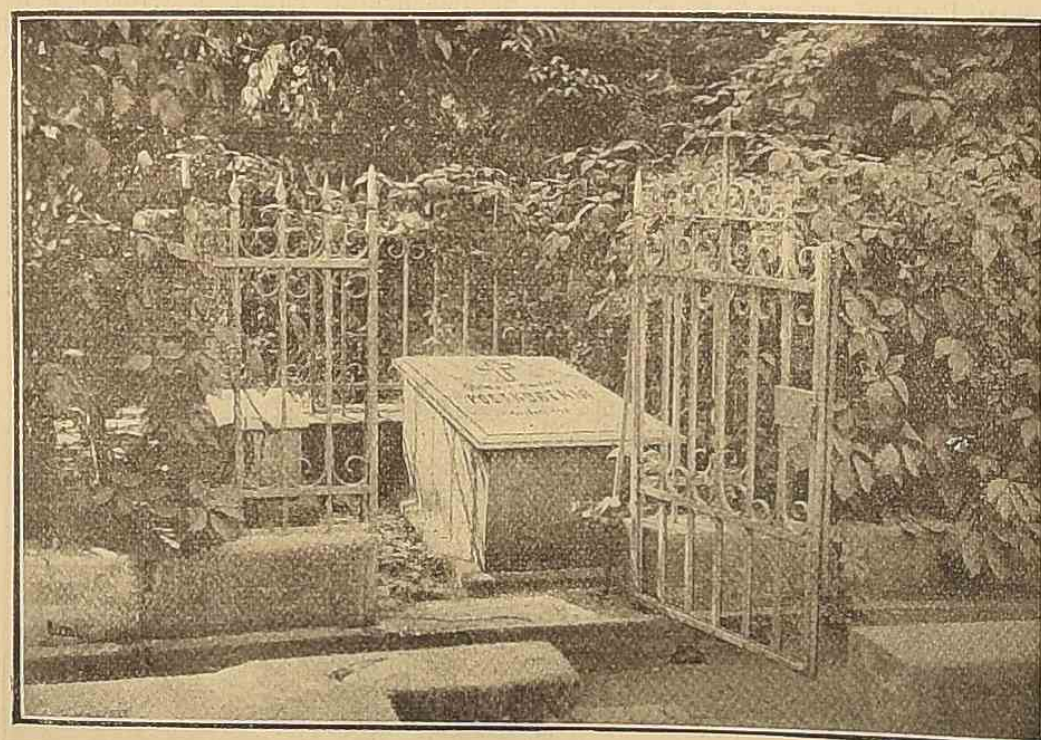
Одесса — Прибытіе тѣла А. А. Ростковскаго, перевезеннаго на манонерской лодкѣ „Терещ“.

Гробъ съ останками А. А. Ростковскаго на манокер. лодкѣ „Терещ“.

Перенесеніе гроба А. А. Ростковскаго.

Могила отца А. А. Ростковскаго на Новомъ кладбищѣ въ Одессѣ.

ко-глубоко подымалъ свою голову ранней, гнѣвомъ и негодованіемъ, стыдъ.
Снова рыдали, звенѣли пыльная, сотканная изъ тончайшихъ кружевъ и давно уснувшія струны...

Но въ душѣ уже таинственно рождалось что-то темное и большое; оно дожило мутнымъ пятномъ на сердце, гнѣло, давило.

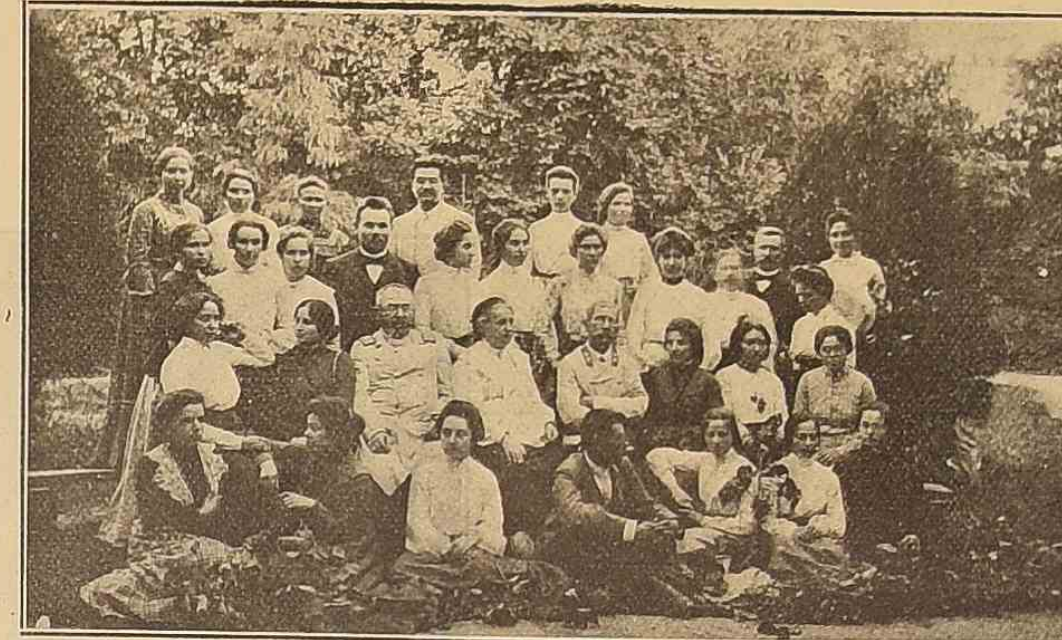
Старый стыдъ, застарѣлая жуткая боль, оскорбленная гордость, униженный первый проблескъ любви, слезы и росы, выросши и мучили... Руки бесцѣпно падали, въ ухахъ раздавался монотонный и гулкій звонъ дождя, и за спиною, казалось, кто-то стоитъ, равнодушный и жестокий.

Въ ея глазахъ загорался исцугъ, и краска обжигала со щекъ.

Притворный запахъ сирени по прежнему жегъ и томилъ; сплывавшія слезы безъ блеска, по прежнему, мерцали и гасли...

Струны порвались... Любовь, робко прикоснувшаяся къ нему, улетѣла, а крылья ея еще билась и трепетали въ темномъ и густомъ воздухѣ ноци.

А въ глазахъ ея дрожали блѣдныя по-

Херсонъ. — Группа слушательницъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ.

срываетъ шляпу. Гдѣ-то, тамъ, наверху, едва мерцало пламя газоваго рожка и кругомъ нѣто что-то бѣшено плясало и кружилось.

Что-то мокрое, бѣлое и холодное, какой-то хаосъ блескутъ и водяной пыли, цѣлое море переплетающихся ледяныхъ брызгъ. И все кружилось, и било, и металось, и рвало, и снова металось, сжимая его въ своихъ ливихъ тискахъ, — тискахъ млы и тумана.

Сердце стучало сильно-сильно, въ груди давило, въ ухахъ еще звенѣло металлическое рыданье старыхъ курантовъ.

Былъ хаосъ, бѣшеный хаосъ.
Убить ее, себя, его, всѣхъ, весь свѣтъ, всѣхъ, кто живетъ, любить, всѣхъ, кто страдаетъ любовью и наслаждается ею, всѣхъ, всѣхъ...

Но она!.. Она? Любить ее, — ее, любящую другого, и потому еще — больше любить...

А на дѣвѣ души, въ отломъ изъ самыхъ темныхъ, покрытыхъ догнотнѣе научной, уголокъ ея, что-то хохотало...

Безумно смѣялось надъ жизнью и любовью, надъ небомъ и людьми, надъ счастьемъ и мученическимъ страданіемъ...

И снова вихрь, все разрушающій и создающій въбѣтъ: бури мести, ненависти, злобы и любви.

Она стояла и трепетно ждала.
Какой несчастной и усталой казалась она ему.

Вспомнилъ хаосъ метели и хаосъ души. Все показалоь невужнымъ, скучнымъ и давно забытымъ.

Сжать ее въ объятія, и цѣловать, какъ безумный — руки, шею, губа.

О, какъ она устала, какъ безкомвечно устала.

На рѣкъ глухо завывла сирена. Тамъ туманъ, и леда боялся его, — вѣдь, люди всего боются.

И этотъ унылый стонъ разбудилъ что-то почти угасшее. Встрепенулись черныя, громадыя крылья, повалило холодомъ, леденцимъ, застывшимъ, снова громко зазвенѣли и забое.

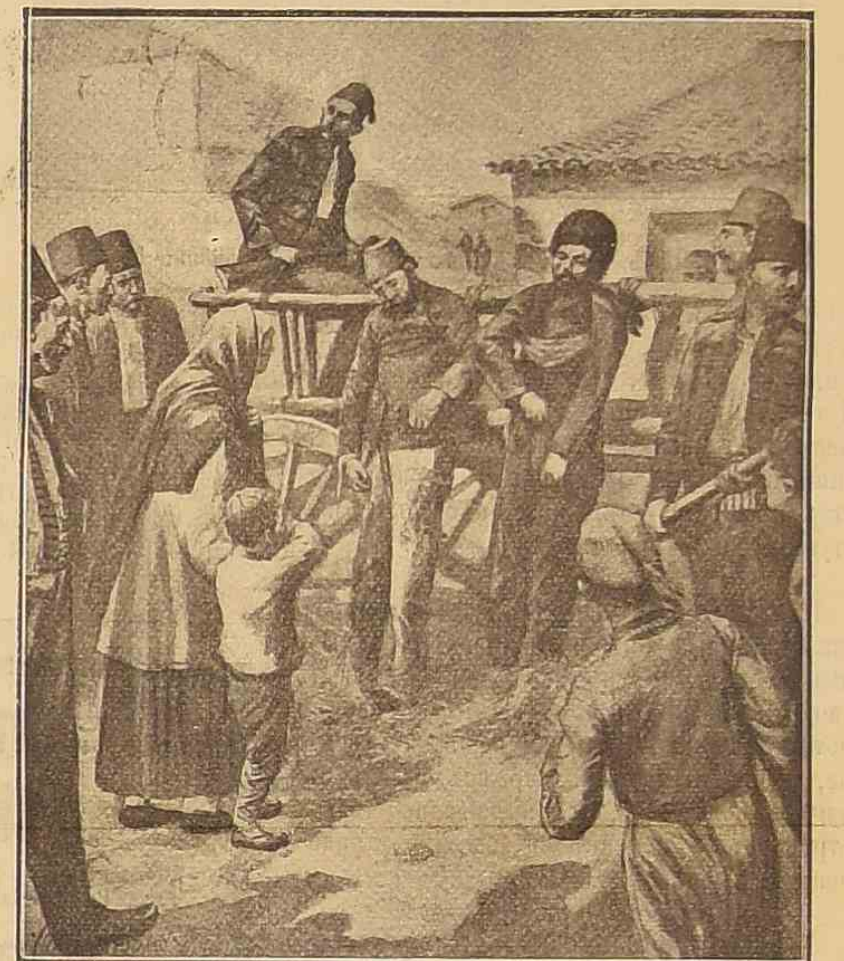
И Ежедневно и ежечасно по сырими, каменнымъ плитамъ этого прохода раллается топотъ лошадиныхъ копытъ. Маленькія, косматыя тѣлечки, наполненные громадными камнями, гдѣ, гдѣ только одно тусклое мерцающее свѣтовое фонарей замѣняютъ яркій солнечный свѣтъ. И когда, наконецъ, наступаетъ вечеръ, и люди и животныя выбираютъ на свѣтъ Вожій, ослѣпляютъ ихъ глаза, привыкшіе къ темнотѣ, тогда только маленькія лошади чувствуютъ, какъ онѣ устали отъ цѣлаго дня работы во мракѣ.

Повуравъ голову, стоять онѣ наверху на полѣ: глаза ихъ шурится отъ вечерняго солнца, постепенно исчезающаго на горизонтѣ безкомвечной равнины; усталыми, мед-

ленными шагами шлетуся онѣ въ свои стоида, гдѣ забываются тяжелымъ сномъ на жидкой соломенной подстилкѣ.

Старики рассказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ въ рудникѣ существовало молодого, породистаго коня; его запрягли въ тележку и заставили таскать наряду съ маленькими лошадками руду изъ шахты къ подземному мѣсту. Конюхъ, обѣщавшій его, любилъ слишкомъ часто прибѣгать къ помощи кнута, и послѣ того, какъ онъ дважды разнесъ упряжку, когда его запрягли въ экипажъ владѣльца рудника, послѣдній велѣлъ спустить его подъ землю, чтобы мракъ шахты и тяжесть тележки смирили его буйную кровь.

Покорно и тихо шалгалъ онъ, тамъ за собой глѣжку; темнота и боязнь получить ударъ кнута пугали его; его шерсть по-

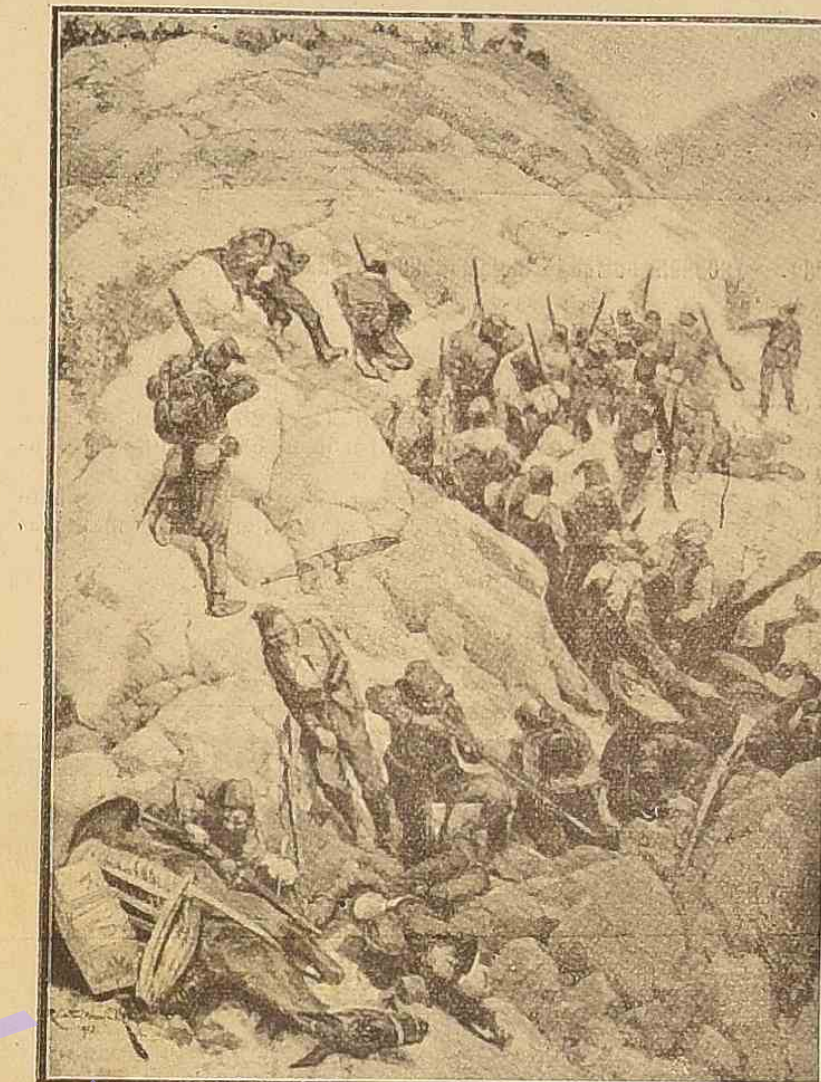
Турецкія „реформы“.

Турецкія жандармы разбѣжались по македонскимъ деревнямъ, на конькахъ, къ которой призывали тѣла повстанцевъ, чтобы устроити население и отбить у него охоту присоединиться къ восставшимъ.

рля подъ землей своей блескъ, глаза потускнѣли, а роскошная грива свалылась и стала сѣрой отъ назившей на ней грязи.

Но широкій проходъ былъ въ то же время и низокъ. И когда конь приблизился къ тому мѣсту, — куда маленькія лошади ежечасно привозили свой грузъ, даже на поторѣвая, что на разстояніи дюйма надъ ними висѣтъ подземная стѣна — то острый камень коснулся его чувствительной кожи и поцарапалъ ее.

Каждый разъ, когда онъ приближался къ этому мѣсту, онъ невольно останавливался, и все его тѣло дрожало отъ ужаса. Но невозможный кнутъ тотчасъ начиналъ

Изъ событіямъ въ Македоніи.

Турецкія отряды, защищающіеся отъ окружившихъ его въ горахъ повстанцевъ.

путь, и въ груди уже рожались неугнѣныя слезы пощунтой женщины.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку и, низко нагнувшись къ ней, прошепталъ:

— Скажи, ты любишь его, скажи, вѣдь ты любишь его?

— Молчание.

Гдѣ-то далеко-далеко мурчавъ жалобно и мелодично проплылъ свою скорбную пѣсню. Ихъ рыдающій звукъ долго дрожалъ и переливался; наконецъ, замлъ, угасъ, какъ угасаетъ: время — медленно и незачьтно.

Онъ наклонился къ самому ея лицу и заглянулъ въ эти дороги, безкомвечно дорогие и грустыя глаза.

И ужаснулся.

Встадъ и выпшелъ, пошатываясь.

Мелкій, смѣшанный съ дождемъ, свѣтъ ударилъ ему въ лицо. Вверхъ чуть не

говорило старое, большое и злое.

А она, измученная, плакала, тихо плакала, глядя въ его блѣдную и мятущуюся душу.

И оба рыдали вслѣдъ.

Борисъ Савинковъ.

Въ шахтѣ.

Рассказъ Густава Гейерстама.

Глубоко подъ землей, гдѣ никогда не видно солнечнаго свѣта, идетъ широкій проходъ, соединяющій шахты съ однимъ сборнымъ пунктомъ, куда доставляется собранная руда, и откуда она затѣмъ поднимается наверхъ.

Болгарская армія.

Турецкія войска разныхъ родовъ оружія.

Одесса.—Учебная команда пограничной стражи.

Къ событіямъ въ Македоніи.—Четники на привалѣ въ лѣсу.

свистать вокругъ него, и въ бѣшенствѣ онъ дергалъ впередъ, кусая узду, и она окрашивалась кровью, смѣшанной со слюной. Нагибаясь, онъ падалъ на колѣни подъ тяжестью тѣлѣжки, но тотчасъ поднимался и таскался дальше. И клочья его черной, блестящей шерсти оставались на острыхъ выступкахъ подземной стѣны.

Какъ то разъ, вечеромъ, рассказываютъ старики, когда онъ вытаскался въ обычный часъ на свѣтъ Божій, онъ вытянулъ свою израненную спину и, глядя своими потускнѣвшими глазами на заходящее солнце, громко и жалобно заржалъ. И въ его измученномъ взглядѣ выразилась такая страшная тоска, какъ во взглядѣ страдающаго человѣка.

Въ ту же ночь онъ вырвался изъ стойла, гдѣ маленькія лошади спали мертвымъ сномъ послѣ дневной муки. Черезъ незапертую дверь онъ помчался прямо въ открытое поле, и когда наступило утро, его большое, черное тѣло нашли прибитымъ волнами къ морскому берегу. Вода выжала пыль изъ его гривы и чисто обмыла его раны... Его гибкое, черное тѣло ярко блестѣло на бѣломъ пескѣ, обь который тихо плескались волны... И старики предполагали, что гордое животное утопилось въ порывѣ отчаянія.

„Онъ былъ слишкомъ великъ“ говорили они, — „а рудникъ слишкомъ низокъ (тѣсень). Оттого-то онъ и погибъ“. Но рудники до сихъ поръ еще вспоминаютъ чернаго коня, который не могъ жить безъ солнца и свѣта.

ШАХМАТЫ

Подъ редакціей П. О. Абельсона.

Гамбитъ Альгайера.

(Игра на вѣнскомъ „Гамбитномъ“ турнирѣ 9 мая 1903 г.

Марко.	Мароци.		
1. e2 e4	e7-e5	21. Cf1-c4	Lh1:d18
2. f2-f4	e5:f4	22. Krc1:d1	Cd7-e7
3. Kgl-f3	g7-g5	23. c2-c3	Ka6 c7
4. h2 h4	g5-g4	24. Kpd1-e2	Kc7-d5
5. Kf3-g5	Kg8-f6	25. g2-g3	Ce8-d7(8)
6. d2-d4	Фd8 e7	26. Kf4:d5	c6:d6
7. Ce1:f4	h7-h6	27. Ce4:d5	Cd7-b5+
8. Kb1-c3	h6-g5	28. Cd5-c4	Cb5:c4+
9. Cf4:g5	Cf8-h6	29. b3:c4	Krc8-d7
10. e4-e5	Ch6-g5	30. Kpe2-e3	Ld8-c8
11. h4-g5	Lh8:h1	31. b2-b3	b7-b5!
12. g5:f6	Фe7-e6	32. c4-c5	a7-a5
13. Фd1-d3	d7-d5	33. Krc3-d3	a5-a4
14. 0-0-0	Ce8-d7	34. b3-a4	b5:a4
15. Kc3 e2	Kb8-a6	35. Kpd3-c4	Lc8-b8
16. Ke2-f4	Фe6-c6	36. d4-d5	a4-a3
17. Фd3-b3	Фe6-b6	37. c5-e6+	Kpd7-c7(9)
18. Kf4:d5	Фb6-b3	38. Krc4-c5	a3-a2
19. a2-b3	0-0-0	39. d5-d6+	Krc7-c8
20. Kd5-f4	e7-c6	40. e5-e6	a2-a1Ф

- 1) Эта защита рекомендована „Deutsche schachzeitung“ еще въ 1899 г. (майская книжка)
- 2) Алапинъ рекомендуетъ 6. e4 e5 и даетъ слѣдующее продолженіе: 6. e5, Фd8-e7, 7. Cf1-e2! Фe7-e5, 8. d2-d4, Фe5-e7, 9. Ce1:f4, h7-h6; 10. Kb1-c3, d7-d5; 11. 0-0, c7-c6; 12. Ce2-b5! c6:b5; 13. Lf1-e1 Ce8-e6; 14. Kg5:e6, f7:e6; 15. Kc3:b5 Kb8-a6; 16. Kb3-d6+, Krc8-d8, 17. c2-c4 и т. д.
- 3) Этотъ незамысловатый ходъ отражаетъ атаку бѣлыхъ.
- 4) Бѣлые рѣшаются на отчаянную жертву, чтобъ сохранить атаку.
- 5) Проще было бы 12...Фe7-f8, 13. Kc3-d5, Krc8-d8; 14. Фd1-d2! Фf8 h6; 15. Фd2-c3, Kb8-c6.
- 6) Слабѣе было бы сразу Фb6. въ виду 17. K:d5 и Ke7.
- 7) Если 18. Ф:d5, то Ka6-b4.
- 8) Если 25... Kd5:f4 то 26. g3:f4 а затѣмъ f4-f5 и e5-e6—это было бы слишкомъ опасно.
- 9) Если бѣлые не берутъ коня, то черные сыграютъ Cd7-f5 или e6 и легко выигрываютъ
- 10) Любопытная диаграмма!

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Платья и Шляпы
ИЗЯЩНЫЙ ВЫБОРЪ
ПАРИЖСКИХЪ НОВОСТЕЙ
М-МЕ М. А. ОЗЕРСКАЯ
Удостоена диплома въ Парижѣ.
Екатерининская 8.
прот. памятника Екатерины II.
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
БАЛЬНЫЕ НАРЯДЫ.
Для прѣзжихъ заказы исполняются въ 24 ч.
Пріемъ заказовъ отъ иногороднихъ.

ПЛАНЪ ЗЕМЛИ ВР. ЕФЕТОВЫХЪ И ЛАРИОНОВА
ЕДИНСТВЕННОЙ ПРИМЫКАЮЩЕЙ КЪ ОБОИМЪ ЛИМАНАМЪ
И ВЪ САМОМЪ КРАТЧАЙШЕМЪ РАЗСТОЯНІИ.

ОПРОДАЖА НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ УЧАСТКОВЪ У ЕФЕТОВЫХЪ О
ГУЛОВАЯ Д. №12 ОТЪ 34 ДО 64. ВЕЧЕРА. УЧАСТКИ ВЪ 600 С. ОТЪ 1р. 20к.

Первая Одесская мастерская бамбуковой японской и китайской мебели
У. Лившицъ
Прейсъ-куранта высылаются по востребованію.
Пріемъ заказовъ отъ иногороднихъ.

а также имѣется
ГОТОВАЯ МЕБЕЛЬ
Еврейская, 48, уг. Авчиников. пер.

ФОТОГРАФІЯ „Дагеръ“
Гаванная, уг. Дерibasовской, д. Исаковича № 10.
Ателье пополнено повѣйшими декорациями и лучшими усовершенствованными аппаратами.
Спеціальная мастерская увеличеній портретовъ до натуральной величины со всякой (даже и пожелтѣвшей) карточки.
Краткій прейсъ-курантъ:
12 миньонъ 2 р.
12 визитныхъ 3 р.
12 кабинетныхъ . . . 6 р.
12 макартовъ 10 р.
12 будуровъ 12 р.
Снимки группъ и дѣтей по договору.
Рекомендую
ОСОБО ИЗЯЩНУЮ РАБОТУ
на матовыхъ бумагахъ
фото-Крiоxxъ.
Фотографія открыта отъ 9 час. утра до 6 час. вечера.

ДЛЯ ЛИЦА И РУКЪ
Смягчаетъ и бѣлитъ кожу
придаетъ нѣжность
свѣжесть
разглаживаетъ складку

Отъ веснушекъ угрей и пятенъ

Продается вездѣ. Главный складъ у Аудерснаго, Дерibasовск. ул. 14156-5

„Вѣнское Графическое Забеденіе“
УДОСТОВЕРЕННО
Высочайшихъ Наградъ
на цинкѣ, КЛИШЕ и мѣди.
Одесса, Еврейская ул. № 14.
Телефонъ № 201.